

О «научном провинциализме» современных антинорманистов и ленинградском «неонорманизме»

Рецензия на статьи: Мусин А.Е. «Столетняя война» российской археологии; Платонова Н.И. «Неонорманизм», постмодернизм и Славяно-варяжский семинар: размышления археолога // Ex Ungue Leonet: Сборник статей к 90-летию Л.С. Клейна / отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. – СПб.: Нестор-История, 2017. С. 223-244; 203-222.

«Варяжский вопрос» относится к числу вопросов, постоянно обсуждаемых в околонучных кругах, хотя в профессиональном научном сообществе считают, что такого вопроса – как именно научного – не существует. Есть небольшая группа последователей А.Г. Кузьмина, противопоставляющая себя остальному научному сообществу отечественному и зарубежному в качестве «истинных антинорманистов» (в отличие от так называемых «мнимых антинорманистов» советских времен, согласно историку-антинорманисту В.В. Фомину [Фомин 2005]). Этому вопросу и его историографии посвящен капитальный труд Л.С. Клейна «Спор о варягах» [Клейн 2009].

Анализ сложившегося положения и тянувшейся столетиями полемики представлен в интересной и содержательной статье А.Е. Мусина. В первой части своей статьи (с. 223-228) А.Е. Мусин говорит об исполнившемся в 2014 г. столетии со дня публикации замечательной книги Туре Арне, юбилее, оставшемся незамеченным научным сообществом нашей страны. Он рассматривает причины такого отношения к работе Арне. Сравнивая подход к вопросу со стороны Арне и В.И. Равдоникаса, Мусин отмечает, что Равдоникас объяснял появление вещей скандинавского типа через торговлю, хотя и признавал возможность оседания небольших групп скандинавов на территории Восточной Европы (с. 224-225). Мусин убедительно, со ссылками на конкретное использование терминов, отвергает обвинения в адрес Арне, чаще всего выдвигаемые антинорманистами, в том, что тот якобы придерживался теории «колонизации» скандинавами Восточной Европы. Он показывает, что у Арне речь идет не о колонизации, как ее понимали в XIX веке, а о появлении в Восточной Европе скандинавских эмпориев, торговых центров (с. 225).

Таким образом, работа Арне, вносящая большой вклад в изучение «варяжского вопроса», оказалась в советской исторической науке жертвой политизации темы «колоний» и «колониализма» в духе терминологии XIX-XX вв. (с. 226). Шведского ученого заклеили как апологета «норманнского колониализма». Мусин отмечает негативную роль В.В. Мавродина, в 1940-х гг. опубликовавшего ряд работ, где пресловутый «норманизм» интерпретировался как теория господства скандинавов над славянами (с. 227). На примере отношения к работе Арне в советской исторической науке Мусин показывает неприемлемость политизации научных вопросов. Он пишет:

Сложившееся в России отношение к книге Т. Арне, построенное на заведомо неверной интерпретации термина «колонизация» как колониализма, позволяет задаться вопросом о способе обращения с терминологией, историографией, текстами и артефактами, который присущ тем, кто называет совокупность своих представлений об истории «антинорманизм», противопоставляя ее «норманизму» (с. 228).

Мусин подчеркивает чисто российский характер такого противопоставления, отсутствующего в европейской исторической науке. В качестве европейского аналога «спора о варягах» он отмечает лишённые российской агрессивности научные дискуссии о роли норманнов в истории Западной Европы (с. 229). Он рассматривает историю проникновения терминов «норманизм» и «антинорманизм» в российскую историческую науку XIX в. Как отмечает Мусин, сомнительная честь широкого введения этой терминологии в российскую науку принадлежит Д.И. Иловайскому.

То главное, что Мусин отмечает, сравнивая антинорманизм XIX в. и антинорманизм современный, это – «эпигонство, выразившееся в исследовательской стагнации и фактическом отсутствии научного преемства» (с. 232).

Л.С. Клейн считает, что «антинорманизм – это реальность. Но реальность, имеющая корни скорее в психологии и политике, чем в науке» [Клейн 1999]. Клейн усматривает в работах антинорманистов результаты ложно понятого «патриотизма», с чем Мусин частично согласен. В заключительной части статьи Мусин предлагает более прагматическое объяснение причин существования современного российского антинорманизма, чем Клейн:

Существенную роль в этой провинциализации играет индивидуальный фактор. Особенно ярко он проявляется при смене социального, языкового и культурного окружения, например, при попадании в немецкую или шведскую культурную среду. Возможности этой среды используются для создания в России имиджа зарубежного исследователя в той нише, где это требует минимума интеллектуальных затрат, и в расчете на то, что этот имидж сможет в дальнейшем облегчить доступ в европейское академическое сообщество (с. 234).

Далее Мусин, ссылаясь на работы В.И. Меркулова, А. Пауля, А.В. Плетневой, характеризует «спорадическую актуализацию таких представлений [антинорманистских – *Рец.*] как острую провинциализацию российской науки, где под провинциализмом понимается, прежде всего, ограниченность круга чтения и набора инструментов критического мышления, а также безоговорочная самодостаточность выводов, не требующая независимой проверки» (с. 234).

Трудно согласиться с оценкой *всех* работ антинорманистов «с помощью модных сегодня терминов “лингвофричество” и “фолк-хистори”» (с. 234). И то и другое в современном антинорманизме, конечно, присутствует. Именно такой оценки заслуживают писания Фоменко, Мединского, Чудинова, считающего, что этруски – «это русские». Эти опусы безусловно квалифицируются как «лженаука». Но, как кажется, следует выделить в современном антинорманизме работы, публикуемые в научных изданиях. Антинорманистами сегодня защищаются не только кандидатские (В.И. Меркулов, А.А. Молчанова), но и докторские диссертации (В.В. Фомин, Е.С. Галкина). И эти работы, при всем желании, невозможно отнести к лженауке. Это, к сожалению, все же академические работы, только выполненные на низком научном уровне. Сам Мусин чуть выше на той же странице удачно охарактеризовал их как «научный провинциализм». Я для таких работ использую вслед за другими авторами термин «эрзац-наука» [Губарев 2015, 2017].

Если с некоторыми положениями данной очень интересной и содержательной статьи можно поспорить, то в любом случае она займет свое место в историографии «варяжского вопроса» и ее придется учитывать любому исследователю, обращающемуся к данной тематике.

В том же сборнике опубликована статья-ответ Н.И. Платоновой на статью С.В. Томсинского [Томсинский 2014] в рамках дискуссии о термине «норманизм», развернувшейся на страницах журнала «Стратум Плюс» [Клейн 2015; Губарев 2015а; Томсинский 2016]. Н.И. Платонова характеризует статью Томсинского как «эссе – хлесткое, ядовитое и... бесконечно субъективное». Но, отмечает она, эта субъективность и делает данную статью интересной (с. 203). Платонова сразу же оговаривает, что расходится с автором анализируемой статьи во всем, кроме оценки им постмодернизма.

Вначале она обозначает, в чем сходится со взглядами С.В. Томсинского. Платонова пытается показать опасность того, что «постмодернистское мышление активно начало стирать границы между научным познанием истории и “вчувствованием” в прошлое. Между логическим рассуждением и мистическим озарением. Между научной интуицией и пророчеством» (с. 204). В качестве примера различного отношения к объективному исследованию Платонова приводит статьи А.А. Гиппиуса и Д.А. Мачинского. Оценка работ Д.А. Мачинского и объединение его с Л.Н. Гумилевым как ученых, чьи работы лежат «на

границ иррационального», я думаю, может вызвать серьезные возражения. Но в остальном с автором статьи невозможно не согласиться.

Платонова считает, что Томсинский в своей статье стремился осудить «опасную тенденцию стирания границ между научным подходом и альтернативным знанием, чреватую махровым дилетантизмом в исследованиях Древней Руси» (с. 205). Только почему-то, поставив своей задачей проследить истоки данного явления, Томсинский, как справедливо отмечает Платонова, усмотрел их «в особой эстетике восприятия скандинавского и древнерусского средневекового мира, сложившейся в ленинградской раннесредневековой археологии в 1960-1970-х гг.» [Томсинский 2014]. Хотя у Платоновой это подразумевается, но я бы сказал, что он ищет эту «тенденцию стирания границ между научным подходом и альтернативным знанием» не там, где следовало бы. Стоит, как мне кажется, искать истоки именно такого отношения к науке в работах неонорманистов (А.Г. Кузьмина, В.В. Фомина и их последователей). Вот уж где точно «стираются границы между научным подходом и альтернативным знанием»!

С этого места Платонова переходит к расхождениям со взглядами Томсинского. Она отмечает поворот, наметившийся в исторической науке в конце 1980-х гг., когда были опубликованы научно-популярные книги А.Я. Гуревича и М.И. Стеблин-Каменского в области скандинавистики. Она не упоминает, но подразумевает, что имел место (в связи с началом горбачевской «перестройки» и «гласности») отход от традиций удушающей цензуры и официального советского антинорманизма. Платонова отмечает, что в работах А.Я. Гуревича был поднят вопрос об изучении «менталитета средневековья, особенностей мышления и стереотипов поведения, специфических для норманнов. И опять же: “норманнов” ли? Может быть, северного языческого средневековья в целом?..» (с. 206). Важность подобного подхода действительно трудно переоценить, поскольку на анализе древнерусских текстов именно с точки зрения рационального, логического мышления современного человека, а не человека Средневековья, основан разработанный А.А. Шахматовым метод выделения «вставок» и «редактирования» летописей.

Далее Платонова отмечает в статье Томсинского то же, что заметил ранее и я, отвечая на его статью в журнале *Stratum plus*. Платонова подчеркивает, что «таким образом, научный процесс предстает перед нами как *всецело обусловленный вненаучными факторами*. Процесс построения моделей приобретает доминирующее значение; степень их соответствия реалиям полностью остается за скобками. Не знаю даже, вполне ли С. В. Томсинский отдает себе отчет, что именно он написал?» (с. 207).

Тут Платонова критикует (и вполне справедливо) мое неосторожное высказывание относительно того, что в статье Томсинского осталось за скобками соответствие проводимых исследований «объективной исторической истине». Как она пишет, «тут, пожалуй, маятник качнулся далековато в другую сторону. Объективная историческая истина – это дальняя даль, к которой все мы должны стремиться» (с. 207).

Действительно, я принимаю этот упрек, нужно точнее и осторожнее формулировать свои мысли. Я хотел здесь сказать, что исследования ленинградских археологов основывались на фактах реальных находок скандинавских вещей на территории Древней Руси, что их выводы соответствовали объективной реальности. И именно это, а не второстепенные факторы, выдвинутые Томсинским на первый план, определяли успешность исследований ленинградских археологов. С чем, кстати, согласилась и Платонова.

Далее, с подзаголовком «Неонорманизм: реальность или недоразумение?», Платонова критикует основное положение статьи Томсинского – о существовании некоего «ленинградского неонорманизма» (с. 208-213). Она отмечает, что существенных различий между позицией ленинградских и московских археологов в конце 1970-х гг. не было. Платонова очень точно подметила порочный круг в рассуждениях С.В. Томсинского. Для начала он определяет «норманизм» как теорию экспорта государства норманнами в земли восточных славян. Затем вешает на работы ленинградских археологов ярлык «норманизма».

И тем самым, не приводя никаких других доказательств, приписывает им, в числе прочих основных положений их работ, стремление обосновать экспорт государственности скандинавами (с. 211).

В заключение раздела о «неонорманизме» Платонова приходит к выводу, что «от частого повторения и прекрасного, очень образного языка С.В. Томсинского его исходное положение не становится более обоснованным» (с. 212).

Завершив спор о «ленинградском неонорманизме», Платонова рассматривает концепцию возникновения Древнерусского государства И.И. Ляпушкина – М.И. Артамонова (с. 213-216) и то, как эту концепцию понял и изложил в своей статье Томсинский. Не буду в краткой рецензии рассматривать все детали, но Платонова особо отмечает «небрежность, с которой критик “неонорманизма” подошел к изложению концепции, которую сам же назвал *основополагающей* для данного направления» (с. 214).

В заключительной части статьи Платонова рассказывает о «славяно-варяжском семинаре» Л.С. Клейна. Здесь, критикуя утверждение Томсинского о «скромных итогах» семинара, Платонова просто приводит список имен примерно 20 самых известных историков и археологов современности, выросших из этого семинара, который может убедить любого сомневающегося в результативности семинара и данного научного направления (с. 217). В завершение Платонова перечисляет «недостаточно разработанные и в настоящий момент совершенно не обсуждаемые» вопросы, поставленные в свое время ленинградской школой археологов (с. 221).

Таким образом, эта статья вносит свой вклад в дискуссию, развернувшуюся на страницах журнала *Stratum Plus*, а кроме того, дает содержательную критику постмодернистского направления в науке и ставит заново несколько неразработанных и требующих внимания вопросов.

*Губарев О.Л.,
независимый исследователь,
г. Санкт-Петербург
lvovichg@rambler.ru*

Литература

Губарев 2015 – Губарев О.Л. Рождение эрзац-науки: современная отечественная медиевистика и общество // Троицкий вариант. 24 декабря 2015. [<http://trv-science.ru/2015/12/24/rozhdenie-ehsatz-nauki/>] – Доступ на 12.10.2017.

Губарев 2015а – Губарев О.Л. «Неонорманизм» или «неоантинорманизм»? // *Stratum plus*, 2015. №5. С. 351-355.

Губарев 2017 – Губарев О.Л. Еще раз об эрзац-науке // Троицкий вариант. 29 августа 2017. [<http://trv-science.ru/2017/08/29/esche-raz-ob-erzac-nauke-v-medievistike/comment-page-1/>] – Доступ на 12.10.2017.

Клейн 1999 – Клейн Л.С. Норманизм – антинорманизм: конец дискуссии // *Stratum plus*. 1999. №5. С. 91-101.

Клейн 2009 – Клейн Л.С. Спор о варягах. – СПб.: Евразия, 2009.

Клейн 2015 – Клейн Л.С. Ленинградский неонорманизм – в самом деле? // *Stratum plus*, 2015. №5. С. 345-349.

Томсинский 2014 – Томсинский С.В. Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги // *Stratum plus*, 2014. №5. С. 357-370.

Томсинский 2016 – Томсинский С.В. Позвольте кое-что уточнить // *Stratum plus*, 2016. №5. С. 369-375.

Фомин 2005 – Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь. – М.: Русская панорама, 2005.

